

«...Все, что отдавалось было у царского самодержавия, отдавано ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО борьбе масс, рукоходным танцем людьми, как Бабушкин.

Без таких людей русский народ остался бы навсегда народом рабов, народом холопов. С такими людьми русский народ завоевает себе полное освобождение от всякой эксплуатации».

В. И. ЛЕНИН.

Кровью сердца —
сильного,
большого,
как огнь.
Революционно-душащую
Эти строки Ленин написал.
После них,
на первом,
кощунством
Выглядит писание неким.
Но будильниками мысли, чувств,
Выковыши из берегов.
Бабушкин! —
Соратник,
друг опоры,
Ученик и геройство Ильи,
Огонек живого разговора,
Ощущение братского плеча,

СЕЛО ИМЕНИ И. В. БАБУШКИНА

Тем, где вечно зеленеют ели,
Окруженя Ладогой-реку.
На южной стороне параллели
Сто дров, стоят берегу.
Каждый дров кричит
тесовий кричаш,
Хоть никакой премиум и не нов.
За рекой,
за мельницами, чуть выше
Сто таких же,
в точности, домов.
Между ними клены и березы
Пол-солнечные выстрелились в РДА.
О больших, не эз сорванных грозах
Верхом на конях, разбрызгах
Поросли зеленой горкой,
Славят силу Северных увалов,
Невысоких,
но могучих гор,
Кто когда-то грудью
обнявши
Ледники губительных, налево,
В порошок дробили язуп леву,
Заслоняя южные поля.
Ветны, как памятники славы,
Носит ширмы каменных аладин —
В каждой речке корабельный
головой.

Назови любую речку
И пойду вдоль моря берегов,
Небезумный выйдет к океану
По следам ушедших ледников.

И опять вернусь к знаменным
Проскалькам Корабельных рощ.
Ты как тогда мне,
мой край зеленый,
и почеловечески хороши! —
Русской песни,

охвающим словом
как испокон веков
Гордился.
А вспомни историю расслопом
Наплынувших чад родников.
Дорог ми ковер лесов
сосновых,
Шитый вязом залитый лугов,
Бесценными кладами известняков

каменных
стесанных берегов.
Но живее речек родниковых,
Краче твердокаменных пород

Заселившись Ладогой
толковый
Закаленный —
северный народ.
Он когда-то по ликой

С Волги,
С Дона,
от соли морей

Под навесом северной метели,
Заметавшей по уши снегом,
Как птенца на лапе старой
эли,

Горе Ванко кинуло, неслась,
Жило ветрами, бурями,
Ястребом кружило над юонцом,
Рад в неделе приходил радость

Красным, пуштуковым леденцом.
С детства имиджем —
мальчишеским селеносом

Жизнь грезово стала воспринимать.
Отчий кашалот
вкусом сибирской осени.

Вечно облизывавшая мать,
Старый бор миндалевый дядюшко,
Ладенга-ребячка, подружка

предыдущим плодом.
Варух с неописуемой печалью

Смерть занесла в Бабушкин дом.
Мир поплыл в густом
Словно в соловьевском чаду:

Слон отца: — Катюша,
...Катюша...
Я, наверно, скоро отойду.
Подойди ближе,
Сядте рядом.
Я не вес в последний

погляжу.

Слезы, (он, сколько горьких слез!)
Как вам жить?
...Не знаю.
...Не скажу.

Всё умрет,

одно лишь понимаешь:
не погибнеи!

Жизнь прожиты —
не погибнеи!

Слезы, —

— * * *

Маша — гость.
Ваня — папа.
И Коле.

В эту осень были двадцать лет.

В домике, не сквозь прозрачную

сквозь прозрачную

и сквозь прозрачную

